

Публикации аспирантов

УДК 81'282.2

Вершинина М.Г.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

ЛЕКСИКА ПРИРОДЫ КАК ФРАГМЕНТ ДИАЛЕКТНОЙ ЗВУКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРМСКИХ ГОВОРОВ)*

M. Vershinina

Perm State Pedagogical University for Humanities

VOCABULARY OF NATURE AS A FRAGMENT OF DIALECT SOUND PICTURE OF THE WORLD (ON THE MATERIAL OF THE PERM DIALECTS)

Аннотация. Статья посвящена исследованию биофоносферы, фрагмента звуковой картины мира как части диалектной языковой картины мира. Анализу подвергается звукоподражательная лексика пермских говоров, отражающая особенности восприятия носителями диалектной речи звучаний растительного мира и звуков, производимых стихиями и метеорологическими явлениями. Несмотря на периферийное положение в звуковой картине мира, данные сферы звучаний играют важную роль в восприятии носителя традиционной культуры.

Ключевые слова: фоносфера, звуковая картина мира, биофоносфера, натурфоносфера, фитофоносфера, звукоподражание, ономапоея.

Abstract. The article is dedicated to the biophonosphere, a fragment of a sound picture of the world as a part of dialectal linguistic picture of the world. Onomatopoeic vocabulary of Perm dialects is analyzed. The vocabulary reflects the peculiarities of perception by native speakers of dialect speech of sounds of flora and of sounds produced by nature and meteorological phenomena. Despite the peripheral position in the sound picture of the world, these areas of sounds play an important role in the sound picture of the world of traditional culture.

Key words: phonosphere, sound picture of the world, biophonosphere, naturephonosphere, phytophonosphere, onomatopoeia.

Лексика природы исследовалась в различных аспектах: мотивационном (Т.А. Боброва, О.И. Блинова, Н.Д. Голев, Т.И. Вендина, Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова, Н.И. Налетова), культурологическом (М. Забылин, Т.Н. Бурмистрова, Л.Ф. Пуцилева, Ю.В. Завалишина), системно-структурном (В.Г. Арьянова), словообразовательном (Н.И. Налетова), ономаσιологическом (В.В. Копчева, Т.И. Вендина, Н.И. Панасенко), когнитивном (А.Г. Деменьтьева), семантическом (О.В. Протопопова, А.М. Летова, Ю.Ю. Савина, Д.А. Пермьякова) и др. В

* Исследование проводилось в рамках гранта «Языковой быт современного прикамского села (социоллингвистическое исследование)» (проект № 008-П) в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Пермский государственный педагогический университет».

© Вершинина М.Г., 2013.

работе Н.И. Коноваловой предлагается комплексное исследование народной фитонимии [4]. Однако фоносемантические аспекты (представленные в этой работе) данного лексического пласта не являлись специальным предметом изучения. Звуковая картина мира также исследована недостаточно, в том числе и на диалектном материале [1, 2, 3, 5, 6].

Значимость звуковых кодов в культурной традиции несомненна [6]. Культурные функции и значения неодинаковы для природных звуков и шумов и звуков и шумов, создаваемых человеком. Человеческий голос, речь определяется как основной код культуры, а магический дискурс отличается особым (крик, пение, шёпот, свист, голошение, смех, икота) голосовым поведением, так называемой ритуальной речью [6, с. 9-10].

Исследуемая «звуковая» лексика (большая часть материала собрана автором в полевых условиях) бытует на территории пермских говоров, которые в разных районах Пермского края имеют различия, т. к. на севере края контактируют с коми-пермяками; на юге – татарами и башкирами; на юго-западе – с удмуртами. Эти связи сформировали особый говор (на основе северно-русского диалекта) русских в Прикамье. На сегодня не предложено чётких ареалов распространения пермских говоров [7].

Анализируя «звуковую» лексику [8, 9, 10], мы выявляем особенности восприятия человеком звуков окружающего мира. Фоносфера – звуковое окружение, в той или иной степени осознаваемое, распознаваемое и семиотизируемое человеком [11, с.128]. Звуковая картина мира – часть фоносферы, осознаваемая человеком и эксплицированная в языке; часть языковой картины мира. То есть звуковая картина мира – это отражённая в языке совокупность представлений о звучащем мире, способ концептуализации звукового пространства. Основным языковым средством экспликации звуковой картины мира является ономотопея (первичные звукоподражания и звукоподражательная лексика).

Характер системности и специфика звуковой картины мира (эксплицируемый в языке фрагмент фоносферы) различных языков отражает характер категоризации звукового пространства различными локальными и этническими группами. Рассмотрим фрагмент фоносферы, эксплицируемый в пермских говорах, на уровне биофоносферы.

Биофоносфера – фрагмент фоносферы, семантическое поле, объединяющее лексические единицы с семой «звук естественного происхождения», включает поля «натурфоносфера» (звучания стихий и метеорологических явлений), «фитофоносфера» (звучания растений), «зоофоносфера» (звуки, производимые живыми существами, кроме человека). Биофоносфера противопоставляется социофоносфере (звуки искусственного происхождения) и занимает важное место в системе звучаний, окружающих носителя традиционной культуры.

В данной статье рассматриваются особенности экспликации фитофоносферы и натурфоносферы, занимающие периферийное положение в системе звукового окружения человека, однако являющиеся значимыми для носителя традиционной культуры.

О высокой значимости языкового пласта, связанного с растительным миром, можно судить по весьма разветвлённой системе номинаций растительного мира. Фитонимы становятся предметом современных исследований довольно часто, так как являются одним из архаичных пластов лексики. Согласно модели организации русского макрокосма Т. И. Вендиной, наиболее развитой системой номинаций является «Растительный мир», затем «Животный мир», «Ландшафт» и «Небо и небесные тела». «Такая картина иерархии... даёт представление об элементарных формах жизни и хозяйствования и, думается, свидетельствует прежде всего о земледельческих приоритетах русского человека, его психологических связях в первую очередь с растительным миром» [3, с. 223]. Несмотря на значимость растительного мира в жизни традиционного человека, звук редко становится

мотивирующим признаком при образовании лексических единиц, характеризующих растения [2, с. 15-16; 5, с. 11]. Однако в случае, когда звуковой признак всё же присутствует в семантической структуре, следует говорить о его высокой значимости.

Выявлены звукоподражательные глаголы, характеризующие действия растения, сопровождаемые звучаниями: *Горох уже вытукивает – выскакивает из стручков, если поздно / Сучочки, которые отмирают, они вот и почиковают громко / Солома затикает, ой страшно*. По всей видимости, звуки растений в том случае осознаются человеком, когда фиксируют какой-либо предельный момент в развитии растения. Отмечены номинации *скрипун, скрипун, хруст*, мотивированные акустическим признаком, который нередко актуализируется носителями традиционной культуры в речи (*У скрипуна розовый такой цветочек. Вот сорвёшь его, начнёшь мять, он и скрипит / Полевой скрипун в полё растёт, сочной, скрипучий; руку натрять полевым скрипуном надо, раз скрипит дак*). В данном случае звуковая характеристика растения является значимым признаком номинаций.

Звук – следствие действия, а объекты растительного мира практически не совершают действий. Однако, если движение придаётся извне, фитосфера начинает «звучать». Так, процесс высыхания травы сам по себе не обладает звуковой характеристикой, однако в диалектной речи обозначается глаголами *подшурать, подшуриться, зашурать* (*Сено-то подшурат. Ну, подсыхат в вёдренные дни / На пол брошу сено-то, подшурится к вечеру-то*). Предположение о том, что мотивирующий признак данных глаголов – звук шуршания, источником которого является взаимодействие фито и натурсферы, подтверждает наличие у глагола *подшурать* значения «высушить ветром» (*Ничего, если сырая трава в зарод попадет, ветер сено подшурает и всю влагу по стожарам вытянет*).

Более выраженную звуковую характеристику получают растения при взаимодействии с человеком (*По берёсту проведёшь ножом, дак*

счикат только / Лён сухой будет, дак шабарстит), что позволяет предположить антропоцентричный характер фитофоносферы.

Кроме того, многие лексические единицы этимологически восходят к звукам, производимым человеком, или имеют однокоренные единицы, функционирующие в антропофоносфере (звук, производимый человеком). Так, глагол *подшурать* имеет однокоренные единицы *шуркать* (идти), *перешурнуть* (обсудить), *шуртать* (рассказывать), которые относятся к антропофоносфере, этимологическая характеристика слова *шуркать* содержит такие значения, как «скрести, царапать», «хлопотать», «юркнуть, прошмыгнуть», «шорох, треск», «швырнуть, бросать», которые нередко характеризуют действия человека.

Вместе с тем через использование номинаций, восходящих к звукоподражаниям, носители традиционной культуры наделяют беззвучный растительный мир свойствами живых существ, часто антропоморфизируют его: *говорушка, балаболка, болтунья*. Через звукоподражательные номинации достигается антропоморфизация фитосферы и просматривается сакральное отношение человека к растительному миру.

Таким образом, несмотря на периферийное положение в модели фоносферы и звуковой картины мира, фитофоносфера имеет признаки антропоцентричности, которые проявляются в том, что, во-первых, большая часть лексических единиц фитофоносферы имеет однокоренные единицы в антропофоносфере, во-вторых, растения и грибы нередко наделяются антропоморфными признаками.

Лексико-семантическое поле «натурфоносфера» включает в себя две группы: звуки природных стихий и звуки метеорологических явлений.

Среди стихий звуковой характеристикой обладают в основном вода, огонь и воздух; земля практически не звучит, зафиксирована только одна единица – *шавкать* (о камне).

Система звучаний воды представляется достаточно развернутой: звукоподражания: *бур-бур-бур, буры-бары* (*На реке только буры-*

бары), глаголы: *выбуривать*, *выбурять* (*Там фонтан выбуриват – тут и есть начало Камы*), номинации: *булькоток*. Однокоренные единицы нередко развивают семантику неупорядоченности, неразборчивости или интенсивности в единицах, характеризующих действие или говорение человека: *бурыбары* (о быстром беспорядочном движении), *взбуривать* (*Председатель на ие пошто-то взбуриват*), *булькать* (*Ты че там булькашь, помолчи уж, старый*).

Звучания огня представлены глаголами *варганить*, *пыхать*, *спышкать*, *чишнуть* и существительным *прозвизд*. Единицы *пыхать*, *пыхнуть*, *спышкать* (*Прошое лето угланы церковь зажгли. Из окон так и пыхало / Я песни запела да и не заметила, как лучина прогорела, дак только спышкало*), согласно М. Фасмеру, восходят к древнему ономатопоетическому образованию и связаны со звуком дыхания или дуновения ветра, движения воздуха. Звук дыхания также реализуется в однокоренных единицах, функционирующих в антропофоносфере (*Старик напыхался холодным-то воздухом, вот и болеет / Напышквал в рукавицы-то, руки согрелись, тепло стало*). Так, звук горения, огня напрямую связан со звуком движения воздуха, дыхания.

Звучания воздуха зафиксированы в глаголах *шабаршить*, *фуркнуть* (*Вышла, а ветер как фуркнет, я скоря за огород да в подъезд*) и существительном *свистодуй*. Единица *шабаршить*, воспроизводящая звук шуршания, трения, связана с теми фрагментами фоносферы, в которых может функционировать неразборчивый звук, шум, часто похожий на шуршание, трение: антропофоносфера (*И зимой, и летом с утра до ночи шабаркаются, дрова пелят*), социофоносфера (*Слышу: чё-то шабаркат; вышел – никого нет; поглядел: бумага шабарчит*), фитофоносфера (*Лён жёлтенькой, сухой будет, дак шабарстит*). Единица *фуркнуть*, этимологически связанная со звуком, производимым вспархивающей птицей (*Птица вылетела из трубы и зафуркала по избе*), реализует сему «звук интенсивного движения воздуха» и в даль-

нейшем развивает семантику интенсивности в звукоизобразительной единице *сфуркать* (*Он взял меня да как сфуркал, дак только портки взвезли*).

Небольшая разветвлённость данных групп объясняется, на наш взгляд, тем, что звуки внешнего мира сами по себе мало привлекают внимание человека. Стихии «звучат» чаще при взаимодействии с человеком: *брызгать*, *брызгать*, *кануть*, *булдыхать*, *жулькать*, *набулять*, *чилькать* (*Белье на речке жулькаю / В пруду ребятишки булбали купаются / Смотрю, кто-то в речке булдыхатся, шум стоит*). Данные единицы являются переходными от натурфоносферы к антропофоносфере, т. к. звуковое значение проявляется вследствие воздействия на объекты природы человека. Таким образом, можно говорить о том, что группа «звуки природных стихий» отражает антропоцентрический характер натурфоносферы.

Система звучаний метеорологического характера гораздо более развита (*Лед-от мерзнет и бум-бум, побумкиват*). Так, отмечены единицы, характеризующие звучания дождя: *дожжать*, *дожжать*, *подожжать*, *дажживать*, *дождя*, *дожжание*, небольшой дождь – *борить*, *дрезжить*, интенсивный, но непродолжительный дождь – *гыжнуть*, сильный дождь – *хлестнуть*, действие, следствие дождя – *причикать*, *пришлепать*, *кануть*; падающего града: *шаляпать* и *шваткать* (*Успела огурицы закрыть, а то бы нашваткало их градом-то, все бы выбило*).

Наиболее развитой лексико-семантической группой среди звуков метеорологического характера и натурфоносферы в целом является группа «звучания грозы». Кроме того, что отмечены первообразные звукоподражания, имитирующие раскат грома (*Гроза раскатится – гр-р-р; страшно*), встречается также большое количество глаголов в значении «гремять»: *верескать*, *зверещать*, *погремёхивать*, *стукать*, *постукивать*, *сверчать*, *торгать*, *тургать*, *потургивать*, *зуркнуть*, *брескать*, *бургать*, *вёргать*, *горгать*, *трохать*, *чургать*. Именно в данном фрагменте

натурфоносферы функционирует наибольшее количество единиц, не имеющих однокоренных в других фрагментах фоносферы, что говорит о данном типе звучаний как о специфичном для носителя традиционной культуры. Кроме того, звукоподражания данной сферы нередко характеризуют синкретичность восприятия человеком традиционной культуры явлений окружающего мира: звукоподражательная номинация молнии *грема* (*Грема-то как ударила в дерево – оно и загорелось*), глаголы *зверескаться*, *взгрябнуть* в значении «сверкнуть, ударить» (*Как зверескало – и все сгорело, дом-от! / Раз, два взгрябнула молния*). Наличие большого количества единиц, характеризующих звучания грозы, объясняется акустическими параметрами природного звука (повышенная громкость).

Таким образом, несмотря на периферийный характер натурфоносферы, прослеживается её антропоцентричность, а также включённость в систему звуков, распознаваемых человеком как специфичные для данного фрагмента звуковой реальности, что говорит о значимости данной сферы звуковой реальности для носителей традиционной культуры. Кроме того, наблюдается высокая продуктивность данной сферы звучания: многие звукоподражания, этимологически восходящие к изображению природных звуков, в дальнейшем функционируют в других фрагментах фоносферы.

В целом звучания растений и природные звучания, несмотря на периферийный характер, играют важную роль в звуковом окружении человека. Фитофоносфера как наиболее «тихая» сфера нередко наделяется звуковыми свойствами извне искусственно, что характеризует стремление человека традиционной культуры освоить незвуковую среду. Натурфоносфера, обладающая выраженными звуковыми характеристиками и тесно связанная с антропофоносферой, оказывается достаточно продуктивной сферой звуча-

ния, т. к. большое количество звукоподражательных единиц, восходящих к природным звучаниям, в дальнейшем актуализируется в других фрагментах фоносферы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белякова С.М. Прошлое и будущее в диалектной картине мира. // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2005. – № 2. – С. 79-88.
2. Бурмистрова Т.Н. Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект: автореф. дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 23 с.
3. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: Издательство «Индрик», 1998. – 240 с.
4. Коновалова Н.И. Народная фитонимика как фрагмент языковой картины мира. – Екатеринбург, 2001. – 148 с.
5. Легова А.М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: автореф. дис ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 23 с.
6. Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян: сб. науч. трудов / Институт славяноведения РАН; под ред. С.М. Толстой. М.: Издательство «Индрик», 1999. – 339 с.
7. Русские говоры Пермского региона. – Пермь: [б. и.]. Вып. 1: Формирование. Функционирование. Развитие. 1998. – 147 с.
8. Словарь пермских говоров / Г.В. Бажутина и др.; отв. ред. А.Н. Борисова, К.Н. Прокошева. – Т. 1. – Пермь: «Книжный мир», 2000. – 608 с. – Т. 2. – Пермь: «Книжный мир», 2002. – 576 с.
9. Словарь русских говоров Южного Прикамья / И.А. Подюков и др.; отв. ред. И.А. Подюков. – Выпуск I (АБАЛТУС – КЫЧИГА). – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2010. – 456 с. – Выпуск II (ЛАБАЗ – ПЯТЬ). – Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2012. – 502 с. – Выпуск III (РА - ЯТЬ). – Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2012. – 502 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. 1. – М.: Прогресс, 1986. – 576 с. – Т. 2. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с. – Т. 3. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с. – Т. 4. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.
11. Шляхова С.С. «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики. – Пермь: Перм. гос. политех. ун-т, 2005. – 346 с.